
С КНИЖНОЙ ПОЛКИ

М.О. Комин*

МНОЖЕСТВЕННЫЕ ПОЛЯ И УПРАВЛЕНИЕ ИДЕНТИЧНОСТЬЮ: НОВЫЙ ПОДХОД ДЛЯ АНАЛИЗА ПРИЧИН И ДИНАМИКИ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

**Рецензия на кн.: Fligstein N., McAdam D. A Theory of fields. –
Oxford: Oxford univ. press, 2012. – 256 p.**

Проблема необходимости учета множества факторов, одновременно влияющих на социальные трансформации, а также находящихся в постоянном взаимодействии между собой, относится к числу наиболее актуальных для наук, с 1990-х годов объединенных под общим зонтичным направлением «Исследования развития» («development studies») [A radical history... 2016]. Доминирующий фактически с середины XX в. вектор на предметную дифференциацию внутри научных сфер и парадигм привел к появлению большого числа теорий микро- и мезоуровня, объясняющих важность учета различных переменных, способных влиять на направление социальных изменений. Подходы, подобные «culture matters», «institutions matter» «geography matters», «gender matters» и другие, стали отражением этого тренда в развитии науки и позволили выйти на принципиально новый уровень по глубине и качеству исследования

* **Комин Михаил Олегович**, старший эксперт Центра стратегических разработок (Москва, Россия); аспирант Департамента политологии Финансового университета при Правительстве РФ (Москва, Россия), e-mail: kominmo@yandex.ru

Komin Michael, Center for strategic research (Moscow, Russia); Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia), e-mail: kominmo@yandex.ru

взаимосвязи отдельных общественных феноменов. Набирающий в последние годы популярность мультидисциплинарный подход призван компенсировать некоторый перекосяк в исследованиях, используя наиболее комплементарные теоретические предпосылки изначально узконаправленных теорий. Получаемые на выходе теории макро- и мезоуровня (с высокой степенью абстракции) пытаются обеспечить возможность одновременного учета нескольких факторов, гарантируя минимальные потери в точности аппарата измерений.

К подобным теориям мезоуровня высокой степени абстракции относится и работа американских социологов Нила Флигстина и Дуга Макадама о «стратегических полях взаимодействия» (*strategic action fields, SAF*), увидевшая свет в 2012 г. Построенная на синтезе подходов символического интеракционизма, неoinституционализма (как исторического, так и рационального выбора [Hall, Taylor, 1996]), теории социальных движений, влияния социокультурных факторов и модели полей Пьера Бурдьё [Bourdieu, Wacquant, 1999] – теоретическая рамка Флигстина и Макадама стремится описать процесс конструирования, институционализации и изменения порядков социального взаимодействия. Как пишут сами авторы, «основная цель их книги – выявить интегрирующую теорию, способную объяснить, как стабильность и изменяемость систем зависят от действий социальных акторов на ограниченных социальных аренах (*circumscribed social arenas* (р. 3). Именно на этих «аренах» выстраиваются «стратегические поля взаимодействия» (далее – SAF), являющиеся основным структурным элементом в любой из современных подсистем: политике, экономике, государстве, гражданских организациях и т.д.

Метафору поля американские социологи заимствуют у Пьера Бурдьё и группы исследователей, развивавших концепт французского философа в применении к институциональной теории (В. Пауэлл и П. Димаджо, Р. Скотт и Дж. Мэйер и др.). Под полями в данном случае понимаются различные сферы, в которых происходят социальные процессы, но которые автономны друг от друга и характеризуются собственными формами властвования, правилами взаимодействия, оценки и приписывания статусов. Переход из одного поля в другой сопряжен с необходимостью принять ограничения и правила игры нового поля, подвергнуться оценке, согласно установленным в нем критериям. Бурдьё описывал множество полей – от политического и экономического до

юридического и поля рынка труда, постоянно воздействующих друг на друга. Флигстин и Макадам дополняют эту теорию, обосновывая большую значимость для структуры поля не индивидуальных игроков, а коллективных акторов, мотивом действия которых может быть не только доминирование и конфликт, о чем, прежде всего, и писал Бурдьё, но и желание достичь консенсуса, порядка, стабильного положения внутри поля.

Поле Флигстина и Макадама становится «стратегическим» вследствие введения в его аппарат концептуализации трех типов игроков, два из которых они заимствуют из классических работ в неоинституциональной парадигме (теория игр, теория социальных движений, теория элит). Первый – коллективный актор, заинтересованный в сохранении действующего положения внутри поля, защитник и основной бенефициар статус-кво, называемый термином «инкумбент» (*incumbent*). В политическом поле этому игроку, как правило, соответствует государство, правящая элита, обладающая властью и определенной степенью легитимности. Второй – противоположный ему коллективный актор, бросающий вызов и стремящийся изменить текущее положение вещей на более подходящее его представлениям и интересам, называемый «челленджером» (*challenger*). В рамках политического поля этому игроку соответствует контрэлиты, оппозиция, пытающаяся оспорить легитимность и забрать власть у правящей элитной группы. Эти два типа игроков находятся в постоянном взаимодействии, и без вмешательства внешних по отношению к этому стратегическому полю сил, их действия уравновешивают друг друга, образуя стабильное положение системы. При этом эта стабильность (консенсус) динамична, т.е. отдельные характеристики, правила локального порядка могут изменяться вместе с изменением в соотношении сил между акторами.

Третий тип игроков, который авторы вводят в SAF, является новым для социологической и политологической литературы. Флигстин и Макадам называют этот тип «узлами внутреннего управления» (*Internal Governance Unit, IGU*), функцией которого является «опосредованное < т.е. не прямое > обеспечение рутинной стабильности и порядка» (р. 77). IGU выступают на стороне инкумбентов, в качестве ресурса легитимности установленного ими порядка, наблюдателями за соблюдением правил игры, трансляторами их позиции на более широкие группы, однако напрямую IGU с инкумбентами не аффилированы. В политическом поле к таким

игрокам можно отнести пул негосударственных объединений, играющих роль медиатора или источника обратной связи для правящей группы, например, профсоюзы, группы интересов, сообщества экспертов и т.д. В условиях стабильности поля стратегического действия, IGU в моменты самоидентификации отстраиваются от государства и правящей элиты, но в кризисные периоды, периоды нестабильности поля выступают в качестве консервативной силы, стремящейся вернуть систему в равновесие.

Подобная трактовка процессов внутри SAF напоминает концепцию Карла Мангейма о взаимосвязи идеологии и утопии [Мангейм, 1994]. Согласно немецкому философу, господствующие группы, используя различные каналы, формируют картину восприятия мира (идеологию), обосновывающую доминирование именно этих групп, как бы «скрывая» имеющуюся в этом несправедливость. Группы контрэлит формулируют и стараются продвигать альтернативную картину мира (утопию), с критикой господствующей идеологии и путями перехода в более приемлемую для них политико-экономическую систему. Когда «поклонников» утопии становится больше, чем «поклонников» идеологии, группы и их месседжи меняются местами, происходит социально-политическая трансформация, и процесс противостояния двух картин мира повторяется заново. Важное дополнение Флигстина и Макадама к теории Мангейма – операционализация игроков в рамках поля и создание аппарата описания и анализа предпринимаемых ими действий. Кроме того, Мангейм описывает исключительно макропроцессы, происходящие при социальной трансформации, в то время как авторы теории SAF дают возможность погружения в конкретные детали этого макропроцесса, с различением внутри него нескольких полей, влияющих друг на друга.

Возможность для анализа этого взаимного влияния нескольких SAF предоставляет еще одно свойство описанного выше типа акторов IGU, которые, по мысли Флигстина и Макадама, могут присутствовать «одной ногой внутри SAF, а другой – вне его, в окружающей среде» (р. 78), т.е. в других, соседних полях. Описываемые Флигстином и Макадамом SAF хотя и автономны друг от друга, тем не менее погружены в единое пространство и могут пересекаться, образуя круги Эйлера, или впадать друг в друга, образуя «матрешечные» структуры. В этом случае IGU являются проводниками, «узлами», через которые происходит воздействие внешней среды по

отношению к полю, на его локальный порядок. Флигстин и Макадам убедительно показывают, что именно окружающая среда SAF, процессы в ней, служат главными источниками нестабильности внутри самого поля, вызывая наиболее масштабные социальные трансформации. Кроме того, эти трансформации внутри одного поля неминуемо вызывают волновую реакцию и дестабилизацию в других, соседних полях, подобно тому как экономический кризис вызывает политическую дестабилизацию, изменение наиболее распространенных организационных моделей в компаниях, деформирует рынок труда, влияет на потребительские практики, распределение социальных ролей в семье и на многое другое.

Таким образом, Флигстин и Макадам подчеркивают важность учета при анализе социальных изменений внешней по отношению к рассматриваемому полю окружающей среды и предоставляют исследователю методологию для вовлечения важных, но не относящихся напрямую к исследовательской модели факторов в объекты анализа без чрезмерного расширения исследовательского поля. В этом состоит первое из практических преимуществ использования данной теоретической рамки для анализа социально-политических процессов.

Второе важное практическое преимущество разрабатываемой Флигстином и Макадамом теории – более полное, чем это было возможно до этого, соединение в рамках одного аппарата анализа институциональных факторов и социокультурного контекста, политики идентичности или так называемой символической политики (*symbolic politics*) [Sears, 1993]. Эту возможность авторы предоставляют благодаря интегрированию в их подход заимствованной из символического интеракционизма идеи экзистенциальной функции социального (*existential function of the social*), понимаемой как естественная и неотъемлемая для каждого индивида потребность в создании смыслов и определении себя как части некоторой социальной группы, направляемой этими смыслами. Индивид, гонимый страхом непонимания цели своего существования, продуцирует эту цель для себя и старается убедить в ее эффективности других, вступая с ними в конкуренцию за смыслы, и тем самым создавая определенные идентичности или ассоциируя себя с ними.

Флигстин и Макадам делают следующий шаг за эту посылку символического интеракционизма и в течение всей второй главы рассматриваемой книги убедительно доказывают, что подобное

создание смыслов (meaning making) является мощным основанием для коллективного действия, которое может привести к масштабным социально-политическим трансформациям, т.е. изменению внутри SAF. При этом «успешность» стимулирования других к кооперации и действиям у разных акторов отличается и определяется их социальным навыком (social skill) – возможностью наиболее точно ассоциировать себя с другими и создать с ними общую идентичность и мотивацию к действиям. Однако источник для создания новых смыслов и идентичностей в большинстве случаев лежит не внутри самого SAF, а в окружающей его среде. Поэтому главной задачей челленджеров каждого SAF становится использование входящих через IGU колебаний из другого поля и переработка этого информационного потока в новые идентичности, актуальные для этого SAF и способные стимулировать существенное число акторов на совершение коллективных действий по изменению системы внутри поля. Подобные действия челленджеров противопоставляются властным ресурсам и легитимности (т.е. возможности поддержания доминирующей трактовки реальности) инкубентов, что и позволяет ввести в научный анализ одновременно институциональные позиции акторов и дискурсивные практики формирования идентичностей, основанные на окружающем социокультурном контексте.

В современных исследованиях социально-политических трансформаций проблема учета факторов идентичности и доминирующего дискурса не разрешена до конца, однако исключительная важность их учета подчеркивалась неоднократно. Ряд исследователей описывают этот феномен как протестную идентичность [Goldstone, 2001], влияющую на эффективность консолидации оппозиции и организации ими публичных протестных акций, способных подорвать легитимность господствующей элиты и привести к революции, что в терминах теоретической рамки Флигстина и Макадама можно назвать изменением локального порядка SAF. Более современные исследования, в том числе основанные на анализе российского опыта [Smyth, Sobolev, Soboleva, 2013], уделяют внимание стратегиям разрушения смыслов и дискурсов оппозиции, которые подрывают легитимность и стабильность режимов, т.е. в терминах рассматриваемой теории анализируют стратегии противостояния инкубентов использованию челленджерами социальных навыков для конструирования альтернативной картины

мира внутри SAF. Однако данные исследования ограничены в своем методологическом арсенале, поскольку рассматривают факторы конструирования смыслов и идентичностей либо как отдельный феномен [см. напр.: Малинова, 2013], либо как одно из проявлений стандартного набора институциональных факторов. Напротив, теоретическая рамка Флигстина и Макадама позволяет посмотреть и на институциональные, и на символические факторы в равной степени, создавая основания для их взаимоучета и взаимовлияния в рамках стратегического взаимодействия акторов внутри полей.

Несмотря на свои преимущества, теория SAF имеет и ряд направлений для существенной доработки. Первое из них – учет в концептуализации социального навыка не только базовой потребности индивида в причислении себя к близкой социальной группе, но и в противопоставлении себя другим в дихотомии «я – они». Как показывают последние теоретические разработки, в том числе на российском опыте [Морозов, 2009], для конструирования коллективной идентичности важнее не то, с кем индивид или группа хотят себя ассоциировать, а то, кому они себя противопоставляют. На методологическом уровне взаимная увязка обеих этих характеристик идентичности может происходить через модель позитивного и негативного «конституирующего другого» («constitutive outside») [Laclau, Mouffe, 2001]. Подобное обогащение теории позволит более качественно описывать процессы трансформации и сохранения стабильности в политических полях, поскольку негативная идентичность, «образы врага» в политическом дискурсе и политическом процессе используются чаще, чем в остальных типах полей.

Второе направление для повышения степени применимости теории SAF – выявление генерализирующих характеристик поля, пригодных для сравнения нескольких кейсов. В данный момент подход Флигстина и Макадама оказывается наиболее применим в качестве глубокого анализа отдельных случаев социальной трансформации из-за фокуса внимания на частных и отличающихся в каждом отдельном случае переменных для анализа поля или полей. Авторы, безусловно, понимая это, демонстрируют применение своей теории в пятой главе рассматриваемой книги на двух совершенно отличных друг от друга кейсах – социально-политической трансформации в Южной Африке в ходе борьбы за гражданские права и более позднем примере социально-экономических транс-

формаций из-за изменений на рынке ипотечных ценных бумаг в США. Однако возможность рассмотрения темпоральной динамики контрастирует с возможностью сравнимости кейсов между собой, что снижает объяснительный и прогностический потенциал теории.

Тем не менее теория SAF Флигстина и Макадама обладает дополнительным преимуществом для анализа поля российской политики, вследствие ее концентрации не на формальных институтах и акторах, которые в России часто являются фасадными [Институциональная политология... 2006], а на неформальных нормах и практиках, реальном положении игроков внутри полей и их доступе к использованию инструментов символической политики, а не только имеющихся властных ресурсов.

Список литературы

- Институциональная политология: Современный институционализм и политическая трансформация России / Под ред. С.В. Патрушева. – М.: ИСП РАН, 2006. – 586 с.
- Малинова О.Ю. Проблема политически «пригодного» прошлого и эволюция официальной символической политики в постсоветской России // Политическая концептология. – М.: ЮФУ, 2013. – № 1. – С. 114–130.
- Манхейм К. Идеология и утопия // Манхейм К. Избранное. Диагноз нашего времени. – М.: Юристъ, 1994. – С. 7-276.
- Морозов В.Е. Россия и другие: Идентичность и границы политического сообщества. – М.: Новое литературное обозрение, 2009. – 656 с.
- A radical history of development studies: Individuals, institutions and ideologies / Ed. by U. Kothari. – Chicago: Zed books Ltd., 2016. – 240 p.
- Bourdieu P., Wacquant L.J.D. The logic of fields: Interest, habitus, rationality. – Paris, 1999. – 348 p.
- Goldstone J.A. Toward a fourth generation of revolutionary theory // Annual Review of Political Science. – Palo Alto, 2001. – Т. 4, N 1. – P. 139–187.
- Hall P., Taylor R. Political science and the three new institutionalisms // Political Studies. – Oxford: Blackwell Publishers, 1996. – Vol. 44, N 4. – P. 936–957.
- Laclau E., Mouffe C. Hegemony and socialist strategy: Towards a radical democratic politics. – N.Y.: Verso books, 2001. – 240 p.
- Mannheim K. Ideology and Utopia: An Introduction to the sociology of knowledge. – Eastford (CT): Martino fine books, 2015. – 352 p.
- Sears D.O. Symbolic politics: A socio-psychological theory // Duke studies in political psychology. Explorations in political psychology / S. Iyengar, W.J., McGuire (eds). – Durham: Duke univ. press, 1993. – P. 113–149.
- Smyth R., Sobolev A., Soboleva I. A well-organized play: Symbolic politics and the effect of the pro-Putin rallies // Problems of Post-Communism. – N.Y.: M.E. Sharpe, 2013. – Т. 60, N 2. – P. 24–39.